

★ Часы Адама-бенъ Адама. ★

Прошло уже около недѣли съ того дня, когда непонятнымъ образомъ исчезъ изъ своего рабочаго кабинета молодой, но пользовавшийся широкой извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ, гебраистъ Аполлонъ Марковичъ Гардичъ. Еще наканунѣ своего исчезновенія онъ читалъ въ тѣсномъ кругу любителей изучения еврейской древности рефератъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ назоретскаго произношенія, рефератъ представлявшій эскизъ къ большому труду, надъ которымъ онъ работалъ: „О вліяніи древнееврейскаго языка на языки арійскіе“. Въ день своего исчезновенія его видѣлъ утромъ одинъ заходившій пріятель, а когда вечеромъ, въ назначенное Аполлономъ Марковичемъ время, на его квартиру стали собираться гости, чтобы дослушать прерванный наканунѣ рефератъ, то кухарка объявила имъ, что Гардичъ заперся въ кабинетъ и не отвѣчаетъ на вопросы. Обезпеченные гости, посовѣтовавшись между собой и долго тщетно стучавшись въ дверь, рѣшили, наконецъ взломать замокъ, но въ кабинетъ никого не оказалось. Позвали кухарку, допросили ее, но она клялась и божилась, что Аполлонъ Марковичъ въ 3 часа дня вошелъ въ кабинетъ и никуда не выходилъ оттуда. Николай Марковичъ, братъ гебраиста, на правахъ ближайшаго родственника, далъ знать куда слѣдовало о странномъ происшествіи, были предприняты розыски, не къ чему ни приведшіе, и вотъ прошло уже около недѣли, а о несчастномъ Гардичѣ не было ни слуху ни духу.

Сильно удрученный исчезновеніемъ брата, сидѣлъ Николай Марковичъ въ его кабинетъ и перебиралъ рукописи, валявшіяся на столѣ.

Вдругъ его вниманіе было привлечено какой-то странной коробочкой вродѣ футляра старинныхъ карманныхъ часовъ. Заинтересованный, онъ открылъ ее, изъ нея выпалъ сложенный вчетверо листъ писчей бумаги, кромѣ котораго въ ящичкѣ оказался еще небольшой ключъ съ пятизубчатой бородкой и кусочекъ замка. Внутри футляръ представлялъ еще больше сходства съ футляромъ для старинныхъ часовъ луковицъ, только очень большого, съ кулакъ величиной, размѣра.

Повертѣвъ въ рукахъ ящичекъ, Николай Марковичъ отложилъ его въ сторону и развернулъ выпавшій листъ. Бумага была сплошь исписана характернымъ бисерно мелкимъ, но четкимъ, почеркомъ Аполлона. Не желая быть нескромнымъ, Николай Марковичъ отложилъ было его въ сторону, но случайно прочитанная фраза заставила его вздрогнуть; онъ надѣлъ пенснѣ и сталъ читать. По мѣрѣ того, какъ глаза его скользили по строкамъ, выраженіе лица становилось все встревоженнѣе и встревоженнѣе. Дочитавъ до конца онъ потянулся къ футляру, открылъ его, вынулъ ключъ, затѣмъ глаза его наполнились слезами и, опершись головой на руки, Николай Марковичъ беззвучно заплакалъ.

Вотъ что было написано на листѣ, вынавшемъ изъ страннаго ящичка: „Дорогіе мои! Не старайтесь разыскать меня, ибо меня больше нѣтъ между вами, но и не служите по мнѣ панихидъ, ибо въ то время, какъ вы читаете эти строки, я, Аполлонъ Марковичъ Гардичъ, сознаю и чувствую себя живымъ, здоровымъ и полнымъ силы, хотя нигдѣ на землѣ вы не отыщите моихъ слѣдовъ. Это странно? Не правда-ли? Но это такъ на самомъ дѣлѣ. Сейчасъ у меня мало времени, чтобы подробно сообщить вамъ **все** что со мной произошло и поэтому я ограничиваюсь только этимъ краткимъ письмомъ, чтобы просить васъ обо мнѣ не беспокоиться и удовлетворить ваше вполне законное любопытство, касательно моего исчезновенія. Я не любитель длинныхъ предисловіи и потому непосредственно перехожу къ фактамъ, происшедшимъ въ послѣдній день моего съ вами пребыванія, 27 марта. На другой день послѣ моего реферата, я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и готовился ко второй части доклада, имѣвшаго быть въ тотъ же вечеръ, какъ ко мнѣ позвонили. Кухарка была въ лавкѣ и я самъ отперъ дверь. Предо мной стоялъ старый, обтрепанный еврей, съ немного фанатичными глазами: „Вы господинъ Гардичъ?“ — „Я. Что вамъ угодно?“ „Разрѣшите на пару словъ?“ Я провелъ еврея въ кабинетъ, неудомѣвая, что ему отъ меня нужно, но вы сейчасъ поймете, какъ я былъ удивленъ, когда узналъ цѣль его визита. Старикъ вынулъ изъ кармана деревянный часовой футляръ, поставилъ его на столъ и началъ:

„Видите ли господинъ Гардичъ. Я скоро, на дняхъ, умру и у меня никого нѣтъ, и люблю я въ мѣрѣ только двѣ вещи: свой святой древній языкъ и вотъ эту игрушку. Ваши труды по гебраизму я читаю, они кишатъ ошибками“ (признаться, отъ этихъ словъ меня слегка передернуло) — „но вы первый изъ ученыхъ вставшій на вѣрный путь при изученія языка Моисея, Авраама и Іакова и поэтому вамъ и никому другому я и рѣшилъ оставить въ наслѣдство эту... эту игрушку, которая поможетъ вамъ изучить нашъ языкъ такъ, какъ никто въ мѣрѣ его, кромѣ меня, не знаетъ. Извольте видѣть. Эта вещьца, которую я вамъ принесъ и которую я у васъ оставлю, что бы вы ни говорили, обладаетъ свойствомъ, таинственнымъ, суевѣрные люди скажутъ чудеснымъ, свойствомъ переносить пользающагося ею въ ту точку земного шара и въ то мгновеніе времени, которыя предварительно были отмѣчены на этихъ двухъ циферблатахъ. Какъ это происходитъ? Очень просто: на правомъ циферблатѣ вы отмѣчаете географическую широту и долготу желаемаго мѣста, на лѣвомъ переводите стрѣлки на извѣстное тысячелѣтіе, вѣкъ, годъ, мѣсяцъ, соответствующее знаку зодіака, въ которомъ находится солнце, и день. Затѣмъ вы прикладываете весь приборъ къ серединѣ груди на тѣмъ мѣстѣ, гдѣ ребра образуютъ впадину, и три раза поворачиваете этотъ пятизубчатый ключъ въ замкѣ. Тогда, благодаря ряду

заклученныхъ въ часахъ приспособленій, изъ которыхъ механическіе приборы играютъ наименьшую роль, ваше тѣло распадется на невѣсомыя эфирныя частицы, которыя войдутъ въ міровой эфиръ, для котораго, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ ни времени ни пространства, являющимися лишь представленіями нашего мышленія. Ваша же душа и духъ, освобожденные отъ тѣлесной оболочки и подгоняемые вашей волей, проявившейся въ постановкѣ часовыхъ стрѣлокъ на опредѣленную точку пространства и времени, смогутъ собрать изъ мірового эфира новыя частицы, вполне соответствующія прежнимъ и строенію вашего духа и души, въ желательномъ мѣстѣ и моментѣ. Я знаю, вы считаете меня за сумашедшаго, Аполлонъ Марковичъ, но меня это ни мало не беспокоитъ, потому что я знаю, что послѣ моего ухода вы продѣлаете все что я сказалъ. Платы за эти часы мнѣ не надо. Обѣщайте мнѣ одно: когда весь вашъ трудъ по древнееврейскому языку будетъ законченъ, посвятите его памяти Адама бенъ—Адама, т. е. мнѣ. Да, вотъ еще что. Имѣйте въ виду: ключикъ легко выпадаетъ и съ нимъ надо быть осторожнымъ, т. к. безъ него аппаратъ не дѣйствуетъ. А за симъ прощайте. Я не успѣлъ опомниться отъ удивленія, какъ за моимъ постѣителемъ захлопнулась входная дверь, и тутъ только я сообразилъ что фанатичные глаза старика дѣйствовали на меня гипнотически, принудивъ неподвижно выслушать всю только что приведенную рѣчь. На мигъ мнѣ показалось, что я галюцинирую, но часы и футляръ лежали на столѣ. Въ эту минуту часы пробили три, я позвонилъ кухарку, чтобы она мнѣ дала чаю и, напившись его, я хотѣлъ продолжать заниматься. Но работа не клеилась. Словомъ кончилось дѣло тѣмъ, что я, справившись по географическому атласу о мѣстѣ нахождения Іерусалима поставилъ стрѣлки праваго циферблата на 35°14' В./Д. отъ Гринвича, и 31°47' 10" С./Ш. Затѣмъ передвинулъ стрѣлки времени назадъ безъ малаго на 2000 лѣтъ и, закрывъ глаза, повернулъ ключъ.

Я не ощутилъ ровно ничего. Все еще зажмурившись, я внутренне улыбнулся своей глупой легковѣрности, заставившей меня исполнить безомысленное предписаніе Адама бенъ Адама, когда почувствовалъ легкій вѣтерокъ. Я открылъ глаза и чуть не закричалъ отъ удивленія.

Вокругъ меня растилалась равнина. Теплое темно-синее южное небо горѣло надо мной яркими лампадами звѣздъ. Оглядѣвшись я увидалъ вдали свѣтящіяся точки и тутъ только сообразилъ, что нахожусь не въ своемъ кабинетѣ, а гдѣ-то въ окрестностяхъ Палестины и не въ XX вѣкѣ, а въ I столѣтіи нашей эры. Не буду скрывать: первое охватившее меня чувство было ощущеніе ужаса, ни съ чѣмъ не сравнимое, рядомъ съ которымъ поблѣднѣль-бы ужасъ человѣка, попавшаго на необитаемый островъ или появившаго, что онъ заблудился. Еле сознавая себя я пошелъ по направленію къ огонькамъ далекаго города, проклиная часы и свое легкомысліе, поставившія меня въ такое исключительное положеніе. Но тишина ночи и чудный воздухъ мало-по-малу успокоили меня и громадное любопытство, любопытство изслѣдователя и ученаго пробудилось и все сильнѣе разгнѣвалось во мнѣ. Я сообразилъ, что часы, эта

непонятная игрушка Адама-бенъ Адама, находится при мнѣ и я могу въ любое мгновеніе перенестись обратно въ свою эпоху, но обогащенный громаднымъ запасомъ историческихъ свѣдѣній, очевидцемъ которыхъ я сталъ. Да, старикъ еврей былъ правъ: онъ далъ мнѣ возможность на мѣстѣ изучить древнееврейскій языкъ, какъ никто изъ моихъ современниковъ не знаетъ его.

Это соображеніе придавало мнѣ бодрости и я смѣло направился къ Іерусалиму, полагаясь на то, что мои теоретическія познанія еврейскаго и латинскаго языка дадутъ мнѣ возможность объясняться со своими новыми современниками.

Послѣ того, что со мной произошло я ничуть не удивился тому, что оказался одѣтымъ въ тотъ же (или такой же) рабочій домашній костюмъ, что на моей груди была золотая часовая цѣпочка, на пальцѣ кольцо съ рубиномъ, а въ карманѣ браунингъ съ запасной обоймой. Все это меня весьма радовало, т. к. обезпечивало мнѣ какъ деньги, такъ и полную безопасность отъ какого бы то ни было насилія, ибо мой браунингъ, я увѣренъ произвелъ бы грабдіозный эффектъ на всякаго, кто осмѣлился бы напасть на меня. Размышляя такимъ образомъ я добрался до холма съ котораго даже въ темнотѣ ночи мнѣ сталъ ясно видѣнъ древній Іерусалимъ, обитателемъ котораго я становился.

Я не могу дать себѣ яснаго отчета въ томъ, сколько времени простоялъ я такъ надъ спящимъ городомъ, мысля скорѣе образами, чѣмъ сознательными мыслями, какъ внезапно звуки человѣческой рѣчи заставили меня вздрогнуть и обернуться. Первое, что я замѣтилъ было кроваво-багряное зарево всходящей полной луны и на фонѣ этого свѣта двѣ смутно выдѣлявшіяся человѣческія фигуры. Съ каждымъ мгновеніемъ онѣ становились все четче и я могъ различить двухъ, шедшихъ въ моемъ направленіи, мужчинъ. Одинъ шелъ медленно, еле передвигая ноги и замѣтно прихрамывая, низко опустивъ голову, а другой высокій, коренастый, съ громадной гривой на головѣ шелъ рядомъ, повидимому въ сильномъ возбужденіи, размахивая руками и громко говоря что-то. За разстояніемъ я не могъ уловить словъ, но долетавшіе звуки ясно свидѣтельствовали во первыхъ о крайнемъ раздраженіи говорившаго, а во вторыхъ о его несомнѣнно семитическомъ происхожденіи. Сердце во мнѣ замерло отъ напряженнаго ожиданія. Черезъ нѣсколько секундъ я долженъ былъ узнать, привело-ли меня мое теоретическое изученіе еврейскаго языка къ возможности понимать ихъ рѣчь или же ко всѣмъ прелестямъ моего положенія прибавлялась еще и невозможность объясняться со своими новыми согражданами. И вотъ до меня донеслась фраза, которую все время повторялъ высокій незнакомецъ. Я напрягъ все свое вниманіе и чуть не закричалъ отъ радости: я понялъ, я понялъ слова говорившаго! Правда произношеніе словъ было далеко не похоже на то, къ которому я привыкъ, но смыслъ былъ мнѣ понятенъ. Высокій, раздраженный человѣкъ велъ куда-то своего спутника повторяя. „Идемъ я покажу тебѣ мѣсто! Я покажу тебѣ мѣсто“.

Не замѣтивъ меня, оба еврея прошли мимо и я послѣдовалъ за ними.

Не прошли мы и двухъ сотъ шаговъ, какъ высокій остановился, дернулъ своего спутника за руку и съ крикомъ „Хакъ“—„Вотъ“ бросилъ его на колѣни. Отъ силы толчка хромоу еврей покотился и остался недвижимъ, а высокій съ поднятыми къ небу кулаками кричалъ яростно: „Банейтъ Іешуа! Банейтъ“... Эти слова были для меня какъ ударъ по головѣ. Я боялся понять ихъ смыслъ, но сомнѣнія быть не могло. Мы были на невысокомъ холмѣ въ полуверстѣ отъ города. Яркая полная луна освѣщала дремлющій городъ, гигантскій, тяжелой громадой спящій, храмъ, и ту площадку на которой лежалъ поверженный хромоу и неистовствовалъ въ неслыханномъ горѣ высокій еврей, указывая на глубокую съ полбаршина въ діаметрѣ яму, чернѣющую на землѣ между двумя другими, и повторяя все громче и громче „Банейтъ Іешуа, банейтъ“.

Я хотѣлъ и боялся вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ „Банейтъ Іешуа“ вѣдь значило „Умеръ Іисусъ!“... Неужели же чудовищная сила часовъ Адама бенъ-Адама перебросила меня черезъ вѣка и пространства на вершину Голгофы на другой день послѣ распятія? Это было черезъ чуръ невероятно.

Однако я видѣлъ и слышалъ вполне ясно: полнолуніе, холмъ со слѣдами трехъ крестовъ, хромоу рыжій еврей и высокій фанатикъ кричавшій поразившія меня слова. Но кто же были они? Неужели ученики, пришедшіе поскорбѣть на мѣсто великой казни? И вотъ новыя слова высокаго еврея вывели меня изъ недоумѣнія. Подскочивъ къ лежавшему на землѣ, онъ схватилъ его за платье, приподнял и весь его ужасъ, вся скорбь вылилась въ звукъ голоса, которымъ онъ полупшепотомъ спросилъ „Іехуда, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“

Мои нервы не выдержали: я кинулся впередъ, не отдавая себѣ отчета зачѣмъ я это дѣлаю. При видѣ меня высокій выпустилъ Іуду, и, замахавъ руками, бросился бѣжать. Очевидно и его напряженные нервы не выдержали и внезапное появленіе дико, но его понятію, одѣтаго человѣка, навели на него паническій ужасъ.

Я наклонился надъ оставшимся лежать Іудой и увидѣлъ что онъ безъ сознанія

Первое, что меня поразило было громадное несходство простертаго у моихъ ногъ еврея со ставшимъ вѣкъ намъ привычнымъ представленіемъ о вѣщности Іуды Предателя. Правда онъ былъ хрому, правда яркорыжіе волосы окаймляли его лицо, но само лицо было отнюдь не преступное, не жестоко-мрачное съ искривленнымъ носомъ, какъ изображали Іуду съ легкой руки Леонарда-Винчи всѣ живописцы. Передо мной лежалъ истощенный отъ поста, еврей среднихъ лѣтъ, со строгимъ, скорбнымъ и безконечно измученнымъ лицомъ на которомъ не было не единой кровинки. Большіе сѣро-стальные глаза были широко раскрыты и невидящимъ взоромъ смотрѣли на небо. Длинный бѣлый хитонъ облекалъ все тѣло, а на перевязи черезъ плечо болтался ящикъ, знаменитый ящикъ для сбора милостыни.

Но вотъ Іуда повернулъ глаза и взглянулъ на меня и въ этомъ взорѣ было столько отчаянія, горя, скорби, что на моихъ губахъ застыли вопросы съ которыми я хотѣлъ къ нему обратиться. Еще не отвелъ онъ отъ меня своихъ глазъ, а я уже понималъ, что все, все въ мірѣ ему безразлично кромѣ одного „Банейтъ Іешуа“, которое тихо шептали его тонкія безкровныя губы.

Всѣ вопросы испарились изъ моей мысли и я нашелъ въ себѣ только одну фразу: „Іуда Искаріотъ, ты ли это?“ и отвѣтилъ тотъ „Ани“, что значитъ „Я“. И спросилъ я тогда: „Іуда Искаріотъ, ты ли предалъ Іисуса?“ и отвѣтилъ тотъ: „Ты сказалъ“.

И всталъ тогда Іуда на ноги свои и показалъ мнѣ яму въ землѣ говоря: „Здѣсь умеръ Іисусъ, Тотъ кого я предалъ, чтобы исполнилось сказанное въ Писаніи“, а я смотрѣлъ на Іуду и безмолвовалъ.

И снова сказалъ Іуда: „Я не знаю тебя и необыченъ видъ твой, но ты первый, кто встрѣтилъ и не проклялъ меня, послѣ того, какъ я предалъ Сына Человѣческаго“. И спросилъ я „А развѣ всѣ проклинаютъ тебя?“ и отвѣтилъ Іуда: „Всѣ братья отвернулись отъ меня, Симонъ побилъ меня, а фарисеи и книжники презираютъ меня, хотя и отдалъ я имъ цѣну крови“.

И хотѣлъ я спросить Іуду Искаріота, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, но не новиновался мнѣ языкъ мой и пошелъ я внизъ къ городу.

Но Іуда, взявъ меня за руку остановилъ говоря: „Слушай чужеземецъ, такъ плохо говорящій на языкъ нашемъ. Когда вернешься ты въ отчизну свою и до вашихъ мѣстъ дойдешь вѣсть, что предалъ Іуда Искаріота Іисуса Сына Божія, ты говори соплеменникамъ своимъ: да воистину предалъ онъ Его, но не изъ за корысти, а изъ за любви къ Нему, чтобы до конца свершилъ Онъ путь жизни Своей и чтобы свершилось что писано о Мессіи. А про Іуду говори такъ: если крестными муками страдалъ Распятый, то муками смертными о смерти Его страдала душа Іуды, и смертью своей платитъ онъ за это“. Сказавъ такъ, Іуда ушелъ, а я остался одинъ на Голгофѣ, что значитъ Лобное мѣсто.

Стало свѣтать. Совершенно переставая сообщать, что со мной происходитъ я кинулся бѣжать къ городу, но внезапно остановился. Всѣ, всѣ мысли, желанія, все мое любопытство передъ фантастическими, открывавшимися мнѣ, европейскому ученому XX вѣка, возможностями изученія эпохи первыхъ дней христіанства, все это испарилось изъ моей памяти, и я слышалъ только въ ушахъ приказъ Іуды: „говори соплеменникамъ своимъ: изъ любви къ Нему предалъ Іуда Іисуса, чтобы до конца свершилъ Онъ путь жизни Своей, и чтобы свершилось, что писано о Мессіи“.

Это велѣніе было такъ мощно, что я, какъ загипнотизированный, перевелъ стрѣлки на часахъ Адама-бенъ-Адама, трижды повернулъ ключъ, крѣпко сжимая его въ рукѣ, чтобы не выронить и тѣмъ самымъ не потерять возможность вновь переноситься въ другую эпоху, и увидѣлъ себя сидящимъ въ своемъ кабинетѣ Была ночь. Я зажегъ

лампу на столѣ, увидѣлъ, что всѣ бумаги перерыты, что календарь показываетъ не 27-ое марта, какъ въ мигъ моего исчезновенія, а 2-ое апрѣля, какъ то сразу понялъ, что всѣ мои родные и друзья обезпокоены моимъ исчезновеніемъ и поэтому то я началъ это письмо къ вамъ словами успокоенія.

Но я думаю, что вы поймете, что теперь, какъ я исполнилъ слова Іуды, слышанныя мною часъ (или 2000 лѣтъ, я спутался въ понятіяхъ времени) назадъ, я больше не въ силахъ удержать свое желаніе вновь оказаться въ Іерусалимѣ, только поставлю временной циферблатъ на 2 года дальше назадъ, чтобы попасть въ періодъ земной жизни Спасителя, а потомъ, потомъ я вновь вернусь къ

вамъ, ибо научился пользоваться часами Адама-бень-Адама и не рискую потерять пятибородаго ключа. Пока прощайте. Я написалъ все, что хотѣлъ. Повторяю не безпокойтесь обо мнѣ. Разъ у меня часы и ключъ, то пространства и времени для меня не существуетъ. Я вернусь къ вамъ.

Аполлонъ Гардичъ“.

Вотъ что было написано на выпавшемъ изъ футляра листѣ.

Вмѣстѣ съ рукописью на столѣ лежалъ странной формы пятибородый часовой ключъ.

Гавр. де-Бужимъ.

Ждушіе другъ друга

Изъ отдѣленія для буйныхъ мы съ докторомъ Бѣляковымъ перешли въ ту часть зданія, гдѣ помѣщались больные, подающіе надежду на выздоровленіе, меланхолики, тихо-помѣшанные, и тому подобные пациенты психіатрической больницы, не требующіе репрессій и ухода того типа, какъ несчастные обитатели перваго этажа.

Видъ комнатъ измѣнился. Порой получалось даже сходство съ гостинницей гдѣ проживаютъ свободные, здравомысленные постояльцы

Милѣйшій докторъ останавливался у нѣкоторыхъ дверей, заглядывалъ въ „глазокъ“ и если больной не спалъ или, замѣтивъ приходъ гостей, дѣлалъ знакъ войти, то знакомилъ меня съ обитателемъ комнаты и вступалъ съ нимъ въ разговоръ, вертѣвшійся, главнымъ образомъ вокругъ мелкихъ фактовъ больницы повседневности, или же маніи больного.

Въ одной изъ комнатъ насъ встрѣтилъ ласковый и пріятливый старичекъ, вскочившій намъ навстрѣчу и сразу засыпавшій доктора вопросами:

„Ну какъ мой паспортъ? Можно надѣяться получить его на этой недѣлѣ? Да? А билетъ достать можно? Вы думаете переѣздъ по океану безопасенъ? Видите-ли,“ обратился онъ ко мнѣ, — „Мнѣ необходимо какъ можно скорѣе вернуться въ Европу, гдѣ меня ждетъ невѣста. Я ей написалъ, что въ концѣ мѣсяца буду и вся задержка за паспортъ“.

Докторъ умѣло, лавируя между вопросами, отвѣчалъ больному, а когда мы вышли сказалъ мнѣ:

„Этотъ старикъ лѣтъ сорокъ назадъ уѣхалъ въ Америку, оставивъ на родинѣ невѣсту.“

Въ Америкѣ ему не повезло. Онъ голодалъ, захоралъ отъ истощенія и лѣтъ десять провелъ

въ Чикагской психіатрической больницѣ, пока его не перевезли сюда. Манія его, какъ видите, тихая: онъ только ждетъ возможности уѣхать изъ Америки на родину и пишетъ невѣстѣ письма. Но въ его возрастѣ болѣзнь неизлѣчима. А теперь познакомьтесь съ этой старушкой, — и съ этими словами онъ ввелъ меня въ другую комнату, похожую на спальню дѣвушки.

„Ну что, докторъ, есть письма отъ Левушки?“ обратилась къ намъ сморщенная старушка вязавшая шарфъ — „сегодня должно быть письмо, я пасьянсъ раскладывала“.

Мой спутникъ сказалъ, что за почтой еще не посылали, но, что какъ только ее принесутъ, онъ немедленно доставитъ ей корреспонденцію.

„Ну хорошо, милый, хорошо. А то Левушка скоро долженъ пріѣхать и мнѣ надо все, согласно его письмамъ приготовить. Такъ принесете? Да?“

Мы вышли. Я хотѣлъ обратиться съ какимъ-то вопросомъ къ своему провожатому, но тотъ началъ самъ:

„Лѣтъ сорокъ назадъ ея женихъ уѣхалъ въ Америку и пропалъ. Сначала онъ писалъ ей, обѣщая въ концѣ мѣсяца вернуться, но затѣмъ смолкъ. Она ждала его всю жизнь, какъ видите ждетъ его и теперь и ея манія неизлѣчима. Имѣйте въ виду, что того старичка зовутъ Левъ Георгіевичъ Каронинъ и онъ пишетъ письма „на родину“. Но они никогда не встрѣтятся больше“.

Я остановился: „Какъ, эти два старика?“...

Докторъ грустно улыбнулся: „Женихъ и невѣста, стремящіеся другъ къ другу.“

Мы разъ устроили имъ очную ставку, — они не узнали другъ друга“.

Дмитрій Вардинъ.